

История семьи из Первого Парголово

Мария ИНГЕ-ВЕЧТОМОВА

Мария Сергеевна Инге-Вечтомова, научный сотрудник Государственного литературного музея «XX век» (музей М.Зощенко), является хранителем литературно-краеведческого музея Юрия Инге в Стрельне, а также, председателем РОО «Память Таллинского прорыва».

Наше Первое Парголово видно издалека, не надо и на гору Парнас подниматься. Оно в душе и начинается с послевоенного времени. Дедушка Игнатий Николаевич Дядицин перевёз семью сюда из Шувалова с Ново-Орловской улицы, вернувшись из эвакуации. Его жена, моя бабушка, с тремя дочерьми выехала из окружённого фашистами Ленинграда по ладожскому льду в марте 1942 года. Игнатий Николаевич нашёл их в Саратовской губернии, комиссовавшись после ранения. Удивительным образом встретил дедушка свою среднюю дочь. Возвращаясь из Свердловска, из госпиталя, он от железной дороги шёл в сторону деревни, где жила семья, и спросил по пути у девочки, в какой стороне деревня Подгорная. А девочка, собиравшая в реке лилии, оказалась его дочерью Люцией. С большой радостью, которой было так немного в то тяжёлое время, ждали его две другие дочери – Лилия и Надежда вместе с матерью, Капитолиной Семёновной. Им предстоял непростой путь обратно в Ленинград. Для возвращения в Ленинград нужен был вызов. Дочери Игнатия Николаевича рассказывают: «Родственница, всю блокаду прожившая на Васильевском острове, на 6-й линии, прислала вызов на одного человека. Решили отправить Лилию, старшую. Она поехала учиться в институт. Потом папа завербовался на Ижорский завод и вызвал нас». Лилия Игнатьевна была рада снова оказаться в своём деревянном доме на Ново-Орловской, 79: «Его спасла жившая там в блокаду сестра соседки Наталия Титовна, и дом не разобрали на дрова. Ко мне приходила подруга детства Ляля, которая 3 сентября 1945 года вышла замуж за Ивана Николаевича Асанова. Молодые венчались в Шуваловской церкви. А познакомились они в воинской части, куда мы с Лялей бегали через Шуваловский парк на танцы по выходным. Потом эту воинскую часть перевели в Осиную Рошу, когда я была на лесозаготовках. Нас отправили в июне 1945-го за дровами для нужд института в район Невского плацдарма, где ещё только проводили разминирование».

В 1946 году Игнатий Николаевич принимает решение строить новый дом в Парголово. Начинается покупка пиломатериала, само строительство. Три дочери, – решает крепкий хозяин, заботящийся о семье, – значит нужно три веранды. Растёт дом. Основательно устраивается рядом с хлебом для коровы паровой котёл – батареи под окнами каждой комнаты – мы в городе живём! Закупаются уголь антрацит для печек, на площадке позади хозпостроек устанавливается циркулярная пила и вкусно пахнет опилками, в дровянике аккуратно уложены дрова. Солнце светит сквозь цветные стёкла окошек верандочек, к ним пристраиваются резные, в меру изящные, крыльечки, которых тоже три.

На вокзале Парголово

Справа моя бабушка Капитолина Семёновна Дядицина в швейной мастерской крёстной. Архангельск. С 1930-х годов жила в Парголово-1

Привозит дедушка в новый парголовоцкий дом из Архангельска и свою мать, Прасковью Степановну, которая издавна промышляла палтус на баркасе в Маймаксе, в Соломбале. Бабушка грелась на печке и даже на плите. Ей туда ставили табурет, и она отогревала свои промёрзшие за долгую жизнь ноги. Отогревалась рядом с близкими и её душа.

Рядом с садом, за забором, виднелось совхозное поле с турнепсом. Невероятно вкусно было грызть этот турнепс, очистив специально принесённым ножичком. Или горох собирать, смотря, что совхоз сеял в то лето. Скоро уже высоко над забором поднимаются деревья, ряд тополей подрастает быстро. Они таинственно шумят, когда маленькая – младшая из пяти – внучка Маша качается на подвешенных меж столбов специально для неё качелях. Но это уже шестидесятые, даже начало семидесятых... Последние её воспоминания о дедушке – он приходит в столовую и угощает всех копчёным палтусом, ароматным, аппетитно выпутываемым из сеточки. Бабушка тушит кролика с капустой, и приготовленное блюдо настолько нежное, что кажется розоватым на украшенных палевыми бутонами английских тарелках с фестончатым краем, привезённых дедушкой в стародавние времена на корабле.

Дядицины
Игнатий Николаевич и
Капитолина Семёновна
с сыном Владимиром.
1921 год. Архангельск.

Игнатий Николаевич Дядицин родился в 1883 году в Архангельске. Близость к морю определила интересы, точнее – работу. Трудовая книжка, выданная в 1907 году, свидетельствует о том, что работа с 14 лет раньше была нормой. Поработав на пилораме Маймаксы пилоставом, он получает техническое образование, и с 1918 года работает машинистом и старшим механиком на ледоколах «Князь Пожарский» (с 1921 г. «Степан Макаров») и «Илья Муромец». Л/к «Илья Муромец» отправился на ремонт в г. Ньюкастл (Англия) с полным грузом угля. Капитан приказал выгружать из трюмов уголь на берег силами команды. Судовой комитет отказался, вследствие чего команду без комсостава выселили на берег без права выхода в город после шести вечера. Во время нахождения команды с л/к «Илья Муромец» в г. Волзенде велась агитация среди местного населения, чтобы английские рабочие требовали выхода войск из Советской России. И правда, в конце лета 1919 года английские войска покинули Архангельск и Мурманск. К тому же наши матросы

собирали деньги для помощи семьям бастующих английских рабочих.

В Архангельске Игнатий был заведывающим (так в оригинале) клубом водников в Соломбале. Хранится в семейном архиве приглашение за 9 августа 1925 года от Местного морского командования: «просит вас пожаловать» для проведения официальной (так в документе) встречи на г/с «Ильич», ос. практического отряда Балтфлота – крейсера «Аврора» и уч. судна «Комсомолец».

Игнатий Николаевич на всю жизнь остался организатором и человеком, чувствующим ответственность за свои действия. Он был не просто любящим мужем своей Капулиньки, он всегда заботился о ней, о детях, гулял с ними на лыжах в Шуваловском парке, переживал,

чтобы они обязательно получили высшее образование, чтобы одеты и обуты были. Очень хотелось ему, чтобы забыла скорее Наденька, как просила она в блокадную голодную пору «хотя бы заплесневелую корочку хлеба», как нечего было ей надеть... Все три дочери закончили вузы, младшая сама стала доцентом, университетским преподавателем, выбрав биологию, как самую мирную и имеющую прямое отношение к жизни специальность.

Что касается Великой Отечественной войны – начав её в июле 1941 года, записавшись в Народное ополчение в возрасте 48 лет, Игнатий Николаевич был ранен под Колпиным. Найдя свою семью в эвакуации после лечения, дедушка ещё раз ушёл на фронт. Потом уже семья соединилась в родном Ленинграде. И.Н. Дядицин награждён медалью «За победу над Германией», Орденом Красной звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

Они оба с бабушкой упокоены на Шуваловском кладбище, на Церковной горе над озером. Не так давно к ним присоединилась и моя мама, их младшая дочка Наденька, на памятном камне есть имена их старшего сына Владимира, умершего в блокаду и бабушки Прасковьи. Я навещаю дорогие могилы и думаю, что не было в моей жизни более счастливых лет, чем детство у голубых Суздальских озёр.

Материалы подготовила Ирина Кузина

Отрывок из воспоминаний Люции Игнатьевны Дядициной «Не могу выбосить ни кусочка хлеба!»

...До ноября 1941 года продовольственные нормы снижались 5 раз. Мама жарила нам клубни георгинов на олифе и варила похлебку из сырмятных ремней, предварительно долго вымачивая их в воде. Я выстаивала многочасовые очереди в булочную. Иногда несколько дней не было привоза хлеба. 125 граммов хлеба в день – маленький влажный кусочек горьковатого вкуса, с различными суррогатами – пищевой целлюлозы и древесины. Его надо было разделить, чтобы не съесть сразу. А иногда вместо такого хлеба выдавали отруби, и мама прямо на плите выпекала пресные лепёшечки, замешанные на воде, – это было так вкусно, это было счастьем!

В начале ноября к голоду прибавилась другая беда – холодная снежная зима. Городской транспорт замер, водопровод и канализация вышли из строя. Лютый холод, когда температура воздуха была -30 – 40 градусов, губил людей не меньше голода.

Несмотря на то, что все мы опухали от голода, у нас была дистрофия, как и у всех ленинградцев, мы не утратили чувства сопереживания и помощи ближнему. У наших дальних родственников с Васильевского остро-

ва украли продовольственные карточки, и мы, спасая от неминуемой смерти от голода, взяли к себе жить их дочь Валу. Отец Вали тогда умер, а Валя осталась жива.

Длительный голод, лютые морозы и пешее передвижение сделали своё дело – люди умирали везде: на улицах на ходу, в промерзших квартирах и на Ледовой дороге жизни, пытаясь дойти до Большой земли (80 км по снегу и льду, при обстрелах и бомбёжках).

Мы в нашем домике на Новоорловской не могли топить все печи – не было дров. Приходилось сжигать мебель, доски. Один раз в день мама растапливала плиту, согревая воду из снега, а остальное время в зимней одежде мы сидели или лежали в спальне на родительской постели под одеялами. Днём «играли» – рассказывали придуманные сказки, где всё плохое заканчивалось чудесно, и мы получали от Феи не шоколада, игрушки или конфеты, а хлебушка – такого душистого и настоящего! Это мне, как и многое другое из той самой тяжелейшей блокадной зимы 1941-42 гг., запомнилось отчётливо на всю жизнь. Во мне до сих пор сохранилось «святое» чувство к хлебу – я никогда не могу выбросить ни кусочка!